

О ПУТЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Анализируется проект Федерального закона № 272128-6, подготовленный Пленумом Верховного Суда России. Аргументируется вывод, что новый закон, если будет принят, кардинально не изменит к лучшему правовое регулирование в стадии судебного разбирательства. Господство следственной идеологии не позволит реформировать уголовное судопроизводство. Делается вывод, что необходимо решительнее переходить к построению новой теории доказательств, основанной на состязательной идеологии.

Ключевые слова: судебное следствие; доказывание; формирование доказательств; проект Федерального закона № 272128-6.

Уровень развития уголовно-процессуального права не может быть выше уровня развития уголовно-процессуальной науки. Социально-политический строй сменился, уголовно-процессуальное законодательство тоже, а следственные стереотипы по-прежнему определяют образ мыслей отечественных ученых. Они вполне согласны с тем, что уголовно-процессуальное доказывание имеет место в ходе досудебного производства [1. С. 45; 2. С. 1–2; 3. С. 353–354], презюмируют возможность собирания, формирования «готового» уголовно-процессуального доказательства на предварительном следствии, так что суду приходится иметь дело с доказательствами, полученными на предварительном расследовании [4. С. 60–63; 5. С. 92] или даже в стадии возбуждения уголовного дела [6. С. 111].

Ставшее модным в нашей уголовно-процессуальной и криминалистической литературе понятие «формирование системы доказательств» используется безотносительно к тому, о какой системе идет речь: обвинительной или оправдательной. И это не случайно: так маскируется следственная технология уголовно-процессуального доказывания, в которой главным субъектом доказывания является следователь. Таким образом, досудебное доказывание полностью подчиняет себе судебное, последнее превращается в пустую формальность, обряд.

В последнее время наблюдается определенное оживление дискуссии относительно базовых понятий теории уголовно-процессуальных доказательств. Впрочем, пока дело не идет далее терминологических изысканий: «предположительные доказательства» [7. С. 35–37], «исходная доказательственная информация» [8. С. 11–14], «источник осведомленности» [9. С. 84], «материальные носители информации» [10. С. 240] и пр. Даже те авторы, которые указывают на невозможность собирания «готовых» доказательств в ходе предварительного расследования, исходят из того, что формируются они все же следователем: путем составления протокола следственного действия, тем самым отождествляя доказательства с протоколами [11. С. 125]. Рассуждая подобным образом, Р.В. Костенко приходит к выводу, что преобразование информации в процессуальную форму происходит в результате закрепления и описания всех доказательственных свойств и характеристик доказательства в установленном законом порядке: составления протокола [12. С. 177].

Отечественные специалисты считают, что следственные действия непосредственно направлены на формирование и проверку доказательств [13. С. 10]. Производство следователем «следственных действий» приводит к формированию доказательств [14. С. 190–192]. Комментируя последние изменения УПК, касающиеся процесса доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, они рассуждают о преемственности доказывания на досудебных стадиях, единстве процесса доказывания не только в досудебном производстве, но во всех стадиях процесса [6. С. 111]. Большинство отечественных ученых рассматривают формирование доказательства как солидарную деятельность органов предварительного расследования и суда. Суду надлежит провести проверку и оценку уже собранного и представленного сторонами доказательственного материала [15. С. 18–20]. В подобной правовой модели судебно-следственная власть государства, единая и неделимая, проводит доказывание сквозь все стадии процесса к единой цели – объективной истине (достоверности) [16. С. 83, 90; 17. С. 103].

Все эти построения можно квалифицировать как упражнения в рамках следственной парадигмы. Именно такую оценку им дают в своих статьях В.П. Гмырко и И.А. Зинченко [18. С. 9–17; 19. С. 67–70]. Солидаризуемся с ними. Вполне разделяем и еще одну мысль указанных авторов, а именно: наши теории не понимают или по идеологическим причинам отвергают состязательность. Между тем только состязательная модель отвечает стандартам справедливого судебного разбирательства и более того – всего процесса. Для того чтобы сказать действительно что-то новое в теории уголовно-процессуальных доказательств, надо менять мировоззрение. Состязательная технология доказывания существенным образом отличается от следственной, потому надо менять не только термины, но и смыслы.

Первое, что надо понять, – это различие между доказательствами, которыми оперируют стороны при подготовке к судебному разбирательству, и собственно судебными доказательствами. Второе – это то, что только судебное доказывание, доказывание перед судьей есть собственно уголовно-процессуальное доказывание. Третье: доказывание – всегда спор, это убеждение стороной судьи в наличии фактов, имеющих существенное значение для принятия решения по делу или отдельному спорному вопросу. Доказатель-

ства – это средства разрешения уголовного спора. Поэтому все, с чем имеют дело стороны до суда, доказательствами (судебными) не является, это «фактический материал», «носители информации» и пр. Можно сказать еще – «сведения, из которых могут сформироваться доказательства». Но это еще не доказательства, но заготовка, полуфабрикат доказательства. Мы исходим из того, что досудебную деятельность сторон следует вывести за пределы уголовного судопроизводства, и исходить из того, что она не может порождать для суда юридически значимых последствий до тех пор, пока ее результаты не будут представлены суду и исследованы с участием всех заинтересованных в исходе спора участников процесса.

Сказанное выше является введением для анализа проекта Федерального закона № 272128-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который принят в первом чтении 19 ноября 2014 г. Государственной Думой РФ [20]. Указанным законопроектом предполагается внесение в УПК РФ следующих изменений: 1) часть вторую ст. 274 дополнить следующим предложением: «Обязанность обеспечения явки в судебное заседание лиц, показания которых представляются в качестве доказательств обвинения или защиты, возлагается на соответствующую сторону»; 2) в ст. 281: а) часть вторую дополнить п. 5 следующего содержания: «5) если принятыми стороной обвинения или защиты всеми возможными мерами установить местонахождение потерпевшего или свидетеля не представилось возможным»; б) статью дополнить ч. 2.1 следующего содержания: «2.1. В случаях, перечисленных в пунктах 2–5 части второй настоящей статьи, показания потерпевшего или свидетеля могут быть оглашены лишь при условии, если обвиняемый (подсудимый) в предыдущих стадиях производства по делу имел возможность задать вопросы показывающему против него потерпевшему или свидетелю на очной ставке и высказать свои возражения».

Хотя проект Федерального закона № 272128-6 в целом поддержан Государственной Думой РФ, возможно, ко второму чтению встанет вопрос о его существенной корректировке. Это вытекает из замечаний, которые поступили на данный законопроект от Комитета Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству [20]. Замечания комитета сводятся к следующему:

- возложение на стороны обвинения и защиты обязанности обеспечить явку свидетелей или потерпевших не согласуется с действующим законодательством Российской Федерации. В частности, в соответствии со ст. 42, 44, 45, 47, 53–55 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации стороны обвинения и защиты не наделены полномочиями по установлению местонахождения вызываемых в суд лиц;

- согласно ст. 231 и 232 УПК РФ вопрос о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами, решает суд. Как установлено в ст. 232 УПК РФ, судья дает распоряжение о вызове в судеб-

ное заседание лиц, указанных в его постановлении. При этом данное распоряжение исполняется секретарем или аппаратом суда. В случае уклонения лиц от явки по вызову суда судебные приставы в соответствии с Федеральным законом «О судебных приставах» осуществляют привод этих лиц;

- возложение на стороны обвинения и защиты обязанности обеспечить явку свидетелей или потерпевших нарушает равенство сторон, поскольку лица, представляющие сторону защиты, не наделены властными полномочиями и располагают меньшими возможностями по обеспечению явки свидетелей или потерпевших по сравнению с лицами, представляющими сторону обвинения;

- вызывает сомнение предложение законопроекта об оглашении ранее данных потерпевшим или свидетелем показаний при условии, что обвиняемый (подсудимый) в предыдущих стадиях производства по уголовному делу имел возможность допросить показывающих против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке. Согласно ст. 192 УПК РФ следовательно предоставляется право провести очную ставку, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия. Таким образом, очная ставка, в том числе между обвиняемым и свидетелем (потерпевшим), может вообще и не производиться. В этом случае реализация проектной ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ станет невозможной.

Депутатам предстоит нелегкое решение в случае, если они попытаются доработать проект с учетом замечаний профильного комитета. Это может повлечь за собой или искажение основной идеи законопроекта, или фактический отказ от нее. Независимо от того, каким будет окончательное решение законодателя, уже сейчас можно сделать определенные выводы.

Нельзя не обратить внимание на усложнение законодательной техники, посредством которой получают закрепление уголовно-процессуальные предписания. Закон становится все сложнее, а правоприменительная практика, напротив, примитивизируется.

Считаем, что предлагаемая редакция статьи – паллиатив. В условиях следственного процесса – это попытка формально соответствовать стандартам справедливого судопроизводства, одним из которых является непосредственность, устность судебного разбирательства, что предполагает получение показаний непосредственно из их первоисточника – от осведомленного лица, а не из следственного протокола его допроса [21. С. 36–45].

Есть серьезные опасения по поводу того, что, как и любая половинчатая мера, данная новация не достигнет желаемой цели. Объясним почему. Общий смысл нашего закона и инерция мышления правоприменителя таковы, что, скорее всего, новые нормы будут истолкованы так, как удобно судье, следователю и прокурору, а именно: оглашаться будут протоколы очных ставок, проведенных в ходе предварительного расследования. Разумеется, прокурором – руководителем следственного органа – будут даны (уже даются, по нашим сведениям) следователям и дознавателям обязательные для исполнения указания о прове-

дении очных ставок между обвиняемым и всеми свидетелями обвинения, независимо от наличия противоречий между ними (на всякий случай). Увеличится объем бумаги в уголовном деле. Но ничего не изменится по существу в нашем судебном следствии и в уголовно-процессуальном доказывании. Непосредственности в нем не станет больше. Оглашаться в судебном следствии будут показания, данные в ходе очной ставки, а также в ходе следственных допросов, предшествовавшего или следовавшего после очной ставки. Таким образом, следственная – несправедливая формула уголовно-процессуального доказывания остается без изменений.

В связи с этим предлагаем обратить внимание на то, как изящно решена данная проблема грузинским законодателем. В УПК Грузии имеется ст. 14 «Непосредственное и устное исследование доказательств» такого содержания: «1. Доказательства не должны представляться суду (присяжным заседателям), если стороны не имели равной возможности их непосредственного и устного исследования, кроме исключений, предусмотренных настоящим Кодексом. 2. Стороны вправе требовать в суде непосредственного допроса свидетелей и представлять собственные доказательства». И все. Как просто и ясно!

В состязательном процессе стороны являются хозяевами своих доказательств; они, а не суд ответственны за их представление суду. Поэтому в ч. 2 ст. 9 УПК Грузии («Равенство и состязательность сторон») говорится буквально следующее: «2. Сторона вправе в порядке, установленном настоящим Кодексом, заявлять ходатайства, собирать, истребовать через суд, представлять и исследовать все соответствующие доказательства».

Иными словами, ответственность за свои доказательства не исключает для стороны возможности обращения к суду с ходатайством о принятии решения о применении принудительного привода свидетеля, явку которого иным образом сторона (защиты) обеспечить не может. Это прописные истины, о которых забыли наши законодатели, но не грузинский. Согласно ч. 2 ст. 240 УПК Грузии, сторона вправе заявить суду ходатайство о принудительном приводе подлежащего вызову лица.

И, наконец, последний довод – регламентация порядка исследования доказательств, предусмотренная ст. 242 УПК Грузии. Указанная статья имеет следующее содержание: «1. Исследование доказательств начинается с представления сторонами вступительных слов. 2. Первоначально исследуются доказательства, представленные стороной обвинения, а затем – стороной защиты. Очередность и объем представленных для исследования доказательств определяет сама представляющая сторона. 3. В исследовании доказательств, представленных стороной обвинения, участвует сторона защиты, а в исследовании доказательств, представленных стороной защиты, – сторона обвинения».

Надо ли говорить, что УПК Грузии подробно прописана процедура прямого, перекрестного, повторного прямого и перекрестного допросов (ст. 244–246 УПК Грузии). Все это соответствует состязательной классической теории судебных доказательств. Факты являются данными судебного следствия и формируются или по результатам перекрестного допроса, или в результате отказа от проведения такового [22. С. 25–30].

Имеется в грузинском уголовно-процессуальном праве и институт депонирования показаний, как, впрочем, он имеется и в новейшем уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана, Украины, Молдовы, Литвы, Латвии, Эстонии. Именно через депонирование показаний следственным судьей в ходе досудебного производства и решаются проблемы, над которыми в данном случае бьется российский законодатель. Нам этот институт не известен даже на уровне теории.

Все это, т.е. создание уголовно-процессуального порядка, соответствующего европейским стандартам справедливого уголовного судопроизводства, стало возможным только после реформы предварительного расследования. Без ее проведения все попытки улучшить существующий уголовно-процессуальный порядок, вроде той, о которой мы говорим в данной статье, обречены на провал [23. С. 49–57]. Для того чтобы перейти на более высокий уровень решения проблем нашего уголовного процесса, надо усвоить азы состязательной идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России : науч.-практ. пособие. М., 2002. 160 с.
2. Белкин А.Р. Теория доказывания : науч.-метод. пособие. М. : Норма, 1999. 429 с.
3. Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы права России и стран СНГ : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. 29–30 марта 2007. М., 2007. С. 353–354.
4. Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1996. № 9. С. 60–66.
5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2008. 239 с.
6. Ляхов Ю.А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2014. № 11. С. 109–112.
7. Демидов И.Ф. Реструктуризация уголовного судопроизводства (Концепция как гипотеза) // Государство и право. 2012. № 1. С. 33–44.
8. Балакишин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. академия, 2004. 297 с.
9. Жажицкий В.И. Источники в доказательственном праве // Государство и право. 2013. № 10. С. 72–84.
10. Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены? М. : ИНФРА-М, 2013. 415 с.
11. Доля Е.А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии. Материалы круглого стола. 13 ноября 2003 года. М., 2004.
12. Костенко Р.В. Новое понимание сущности доказательств в науке российского уголовного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4. С. 170–183.

13. Семенцов В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 58 с.
14. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты). М. : Юрлитинформ, 2014. 391 с.
15. Смирнов Г.К. О необходимости восстановления в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 18–20.
16. Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 82–94.
17. Свиридов М.К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–116.
18. Гмырко В.П., Зинченко И.А. Парадоксы доказательственного права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2. С. 9–17.
19. Зинченко И.А. Регламентация статуса источников доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2. С. 67–70.
20. Государственная Дума. Официальный сайт. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=272128-6>
21. Трубникова Т.В. Право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей: подход ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 3 (111). С. 36–45.
22. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос в уголовном суде // Российская юстиция. 2005. № 11. С. 25–30.
23. Александров А.С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26). С. 49–57.

Статья представлена научной редакцией «Право» 9 июня 2015 г.

ON THE DEVELOPMENT OF THE PROCEDURE FOR JUDICIAL INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 141–145. DOI: 10.17223/15617793/396/25

Mashovets Asiya O. Ural State Law University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: okeanovna@me.com

Keywords: judicial investigation; evidence; criminal proceedings; draft Federal Law No. 272128-6

Changes in the social and political systems and criminal proceeding legislation have not lead to changes in the mentality of Russian scientists, who presume possibility of gathering evidence during pretrial investigation. In this situation, the court should use evidence received during pretrial investigation or received even at the stage of initiation of a criminal case. Pretrial evidence subjects court evidence so that the latter becomes only a formal fact. It can be concluded that these are “steps of investigative framework”. Meanwhile, only an adversarial system of a criminal proceeding corresponds to fair trial. Adversary techniques of proof are different from investigative techniques, that is why it is necessary to change not only notions, but their content too. It is essential to distinguish evidence which is used by both parties while preparing to trial and court evidence. Only court evidence, evidence taken before the judge, is criminal proceeding proof. Pretrial activity of both parties should be excluded from criminal proceedings. It cannot make legally valid consequences for the court until its results are presented in court and examined by those interested in the outcome of a case. Analysis of the draft Federal Law No. 272128-6 “On making amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” and comments of the Committee of the State Duma on Civil, Criminal, Arbitration, Civil and Criminal Procedure showed that if deputies try to improve this draft law considering all comments of the Committee, the draft law will change or even lose its main idea. Nothing will change in judicial investigation and criminal proceeding evidence. In this situation, the author suggests paying attention to the Criminal Procedure Code of Georgia. It provides that evidence should not be presented in court, if both parties did not have an equal opportunity to examine it with exceptions provided by the law. Parties are entitled to demand the witness testimony itself or present their own evidence. In such a case the criminal procedure law of Georgia provides an opportunity to move a motion to court to use a compulsory process for a witness who did not come to court. There is an institute of consignment in the criminal procedure law of Georgia. With the help of consignment, several problems of pretrial investigation are solved by the investigative judge. This step of the trial is unknown for the Russian theory of criminal procedure. Creation of the criminal proceeding order, which is relevant to European standards of fair trial, is possible only following the reform of pretrial investigation. Without this reform all attempts to improve the criminal proceeding order are futile.

REFERENCES

1. Solov'ev, A.B. (2002) *Dokazyvanie v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsesssa Rossii* [Proving in pre-trial stages of the criminal trial of Russia]. Moscow: YurLitinform.
2. Belkin, A.R. (1999) *Teoriya dokazyvaniya* [The theory of proof]. Moscow: Norma.
3. Sementsov, V.A. (2007) [Formation of evidence in the structure of the criminal procedure proof]. *Aktual'nye problemy prava Rossii i stran SNG* [Topical problems of law in Russia and the CIS countries]. Topical problems of law in Russia and the CIS countries: Proc. of IX International scientific and practical conference. 29th to 30th March, 2007. Moscow. pp. 353–354. (In Russian).
4. Sheyfer, S.A. (1996) O ponyatii i tseli dokazyvaniya v ugolovnom protsesse [On the concept and purpose of proof in a criminal trial]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 60–66.
5. Sheyfer, S.A. (2008) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma.
6. Lyakhov, Yu.A. (2014) Edinstvo protsesssa dokazyvaniya v dosudebnom ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [The unity of the process of proving in pre-trial criminal proceedings of Russia]. *Gosudarstvo i pravo*. 11. pp. 109–112.
7. Demidov, I.F. (2012) Restrukturizatsiya ugolovnogo sudoproizvodstva (Kontseptsiya kak gipoteza) [The restructuring of the criminal proceedings (concept as a hypothesis)]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 33–44.
8. Balakshin, V.S. (2004) *Dokazatel'stva v teorii i praktike ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Evidence in the theory and practice of criminal procedure proof]. Ekaterinburg: Ural State Law Academy.
9. Zazhitskiy, V.I. (2013) Istochniki v dokazatel'stvennom prave [Sources in the law of evidence]. *Gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 72–84.
10. Belkin, A.R. (2013) *UPK RF: nuzhny li peremeny?* [The RF Code of Criminal Procedure: does it need changes?]. Moscow: Norma: INFRA-M.
11. Dolya, E.A. (2014) [On the collection and formation of evidence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Novyy ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossii v deystvii* [The new Code of Criminal Procedure of Russia in action]. Proc. of the round table. 13th November 2003. Moscow. (In Russian).

12. Kostenko, R.V. (2013) Novoe ponimanie sushchnosti dokazatel'stv v nauke rossiyskogo ugolovnogo protsesssa [A new understanding of the nature of evidence in the science of the Russian criminal process]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 170–183.
13. Sementsov, V.A. (2006) *Kontseptual'nye osnovy sistemy sledstvennykh deystviy v dosudebnom proizvodstve* [Conceptual bases of investigative actions in pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
14. Borulnikov, Yu.P. (2014) *Yuridicheskoe poznanie (nekotorye metodologicheskie, teoreticheskie i prakseologicheskie aspekty)* [Legal knowledge (some methodological, theoretical and praxeological aspects)]. Moscow: YurLitinform.
15. Smirnov, G.K. (2012) O neobkhodimosti vosstanovleniya v UPK RF ob"ektivnoy istiny kak tseli dokazyvaniya [The need for restoration in the RF Code of Criminal Procedure of objective truth as a goal of proving]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 18–20.
16. Mezinov, D.A. (2013) Is it necessary to secure the notion "objective truth" in the criminal procedural law? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(8). pp. 82–94. (In Russian).
17. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (8). pp. 101–116. (In Russian).
18. Gmyrko, V.P. & Zinchenko, I.A. (2014) Paradokсы dokazatel'stvennogo prava [Paradoxes of evidentiary law]. *Biblioteka kriminalista*. 2. pp. 9–17.
19. Zinchenko, I.A. (2014) Reglamentatsiya statusa istochnikov dokazatel'stv v ugolovno-protsessual'nom zakonodatel'stve [The regulation of the status of sources of evidence in the criminal procedure legislation]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*. 2. pp. 67–70.
20. The State Duma. The official site. (n.d.) *Automated system for ensuring legislative activity*. [Online]. Available from: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=272128-6>. (In Russian).
21. Trubnikova, T.V. (2014) Pravo obvinyaemogo doprashivat' pokazyvayushchikh protiv nego svideteley: podkhod ESPCh [The right of the accused to examine witnesses against him/her: the approach of the ECHR]. *Ugolovnyy protsess*. 3 (111). pp. 36–45.
22. Aleksandrov, A.S. & Grishin, S.P. (2005) Perekrestnyy dopros v ugolovnom sude [The cross-examination in a criminal trial]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 25–30.
23. Aleksandrov, A.S. (2013) Reforma politzii, reforma obvinitel'noy vlasti Rossii – put' k evrointegratsii [Police reform, reform of the prosecutorial authorities of Russia as a path to European integration]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 4 (26). pp. 49–57.

Received: 09 June 2015